

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 8. Разведчики и партизаны.

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 8. Разведчики и партизаны

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 8. Разведчики и партизаны / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.-56с.

На обложке плакат художника Н. Жукова.
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 20.11.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,75. Тираж 120 экз.
Заказ № 149

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

Это нашей истории строки

«Разведка – глаза и уши армии».

«Чтобы ударить метко, нужна разведка».

«Никогда не пренебрегайте вашим противником, но изучайте его войска, его способы действий, изучайте его сильные и слабые стороны».

(А.Суворов. В кн. Жить Родине служит. М., 1958. С.49.)

«Разведчики опровергают поговорку: «Один в поле не воин».

«Лев Толстой еще в 1910 году пришел к выводу: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения, будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана или Марью. Писатели... будут не сочинять, а рассказывать,.. что им случилось наблюдать в жизни».

(В. Карпов. В кн. Элита русской разведки. М., 2005. С.7.)

Это нашей истории строки

«Партизанское движение в ВОВ 1941-1945, одна из осн. Форм борьбы советских людей в тылу врага...

Стратегическое руководство П.д. осуществляла Ставка Верховного командования через Центр. штаб П.д. (ЦШПД) (Май 1942-январь 1944), респ., краевые и фронт. (обл) штабы П.д., которые возглавляли секретари или члены ЦК компартий союзных республик, секретари крайкомов и обкомов.

В годы ВОВ в тылу врага действовало 6200 партизанских формирований, в которых сражалось св. 1,1 млн. партизан, а также вели борьбу св. 220 тыс. подпольщиков-представители всех народов СССР...

Всего за время войны партизаны произвели 20 тыс. крушений вражеских Эшелонов, подорвали 58 бронепоездов, вывели из строя более 10 тыс. паровозов и 110 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов».

(ВЭС. М., 1986. С.539.)

«Более 300 тыс. партизан, подпольщиков и др. активных участников борьбы в тылу врага награждены орденами и медалями в т.ч. св. 1227 тыс. – медалью «Партизану Отечественной войны» 1 и 2 степени. 249 участникам всенар. Борьбы присвоено звание Герой Советского Союза».

(ВЭС М., 1986. С.166.)

КАВАЛЕР ОРДЕНОВ СЛАВЫ

Челябинец Григорий Прохорович Усиченко прожил большую героическую жизнь. Он родом из села, привыкший к тяжелому крестьянскому труду, после призыва в армию быстро освоил военное дело, поэтому война не застала его врасплох. 22 июня 1941 года, поднятый по тревоге, мчался его эскадрон к границе. В указанном месте кавалеристы спешились, коней оставили в укрытии и заняли оборону.

«Это был обычный летний день. Ветерок слегка шевелил листву на деревьях, даже птичка, как ни в чем не бывало, порхала над головой, — вспоминал Григорий Прохорович. — Мы представить тогда не могли, что начинается самая кровопролитная и длительная война.

И вот из-за деревьев, урча, преодолевая ухабы проселочной дороги, появляется мотоцикл с коляской, с тремя вооруженными людьми в касках. Ждем еще некоторое время, но больше никого нет. Вероят-но, это их передовой дозор.

Короткая пулеметная очередь. Мотоцикл, как бы споткнувшись, выезжает на обочину дороги и переворачивается набок. Подбегаем. С любопытством рассматриваем убитых, их вооружение, документы. Среди нас оказался один из бывших колхозных механиков. Он поднял мотоцикл и стал в нем копаться, и, черт его побери, ведь завел, сел на мотоцикл и поехал.

А при отходе, когда мы вывели коней из укрытий, когда я уже поставил в стремя одну ногу и хотел оттолкнуться другой, вот тут меня пуля и достала...»

После госпиталя Г. П. Усиченко получил назначение в пехотную часть, с этого дня началась его окопная жизнь. Однажды командир предупредил, что вечером через наш участок обороны пройдут в

тыл к немцам разведчики, а через два дня этим же путем возвратятся обратно, смотрите, не перебейте своих.

Разведчики, гибкие, легкие, с пронзительными глазами, в масскхалатах, с финками за поясом и автоматами на плечах, произвели на Г. П. Усиченко сильное впечатление, и он с нетерпением ждал их возвращения. А когда они вернулись, ведя с собой двух пленных, Григорий подошел к их командиру и попросился в его подразделение.

Так Г. П. Усиченко оказался в разведке. И с тех пор трудно сказать, где больше он находился по времени — на своей или на вражеской территории. На его счету более 50 «языков». Разные они были, эти «языки», пленные немцы, но самыми запоминающимися стали те, которых взяли разведчики в ночь на Новый 1943 год. А произошло это в небольшой деревушке под Курском. Дома располагались в ней на значительном расстоянии друг от друга, на окраине прохаживался часовой. «Мы его убрали довольно легко, — продолжал рассказ Григорий Прохорович, — после чего наш выбор пал на дом, в котором светились окна, а изнутри доносились приглушенные звуки музыки. Во дворе дома ходил второй часовой. На ногах у него были большие чуни, а на голове женский пуховый плащ. Изредка он подпрыгивал, хлопал руками, пытаясь согреться. Я перелез через плетень и встал за угол сарая.

На почерневшем, как уголь, небе ярко светили звезды. Тихо звучала музыка. В лучах света, падающего из окна, плясали снежинки. Все это действовало успокаивающе. Но часовой не подходит на нужное расстояние, хоть плачь. А время идет. От напряжения перехватило дыхание. Наконец часовой приблизился к сараю, повернулся, показав мне спину, и я прыгнул на него сзади. Товарищи тут же оказались рядом. Сработали бесшумно, лишь брякнул о землю при падении котелок, но на это никто не обратил внимание.

Короткое совещание: закрыта дверь в дом изнутри или нет? Толкнули. Дверь оказалась незапертой.

А в доме ярко наряженная новогодняя елка. Стол ломится от яств. Три фашистских чиновника нас явно не ждали, оружие у них валялось на кровати или висело на стене.

Мы тоже не рассчитывали на такую удачу. При выходе произошла заминка. «Стоп! — скомандовал лейтенант Бормотов. — Связать их!» Пленных связали.

Я выходил из дома последним. Еще раз оглянулся: блестят елочные игрушки, музыка играет, как ни в чем не бывало, на столе пенится в фужерах вино. Я не удержался, подошел к столу, взял фужер и выпил до дна за Новый 1943 год. Никто тогда этого не заметил».

После войны полный кавалер орденов Славы и двух орденов Красной Звезды Г. П. Усиченко работал в «Коксохимстрое», на строительстве Челябинского металлургического завода. Возглавлял комсомольско-молодежную бригаду бетонщиков. В его бригаде прошли трудовую школу многие парни и девчата, работающие сегодня на различных предприятиях Челябинска. К его боевым наградам добавились трудовые, в их числе орден Октябрьской революции, которым он особенно гордился.

Умер Григорий Прохорович в 1996 году. В тот скорбный день казалось, что все жители Металлургического района пришли проститься с героем. Похоронили его по желанию родственников в селе Казанцево со всеми воинскими почестями.

ВETERAN НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Белый Георгий Григорьевич, он же, по легенде в период работы на оккупированной фашистами Украине, Бидниченко Николай Григорьевич, он же Эрергард, он же Бутович, родился 3 сентября 1914 года в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Там окончил лесотехнический техникум, был секретарем комсомольской организации завода имени Петровского, потом учился в Ленинградской электротехнической академии имени С. М. Буденного, в которой готовились специалисты электрики для Красной армии. В 1936 году с группой комсомольцев его направили в Испанию, на передний край борьбы с фашизмом. Но в пути, во Франции, он получил приказ о возвращении на родину, так как в Испании к этому времени победил фашизм генерала Франко. В январе 1939 года Г. Г. Белого мобилизовали в органы госбезопасности. В новой должности он принимал участие в освобождении Западной Украины, служил во Львове и Тернополе. 1941 год застал его в Киеве в звании старшего лейтенанта госбезопасности службы внешней разведки. 19 сентября 1941 года советские войска оставили Киев. И в городе начался период безвластия, бесчинств и грабежей. Антисо-

ветские элементы, долго маскировавшие свою ненависть к Советской власти, теперь свирепствовали в открытую. Противостоять им кроме спецорганов было некому. Случалось всякое. Вспоминая о том тревожном времени, Г. Г. Белый рассказывал: «Немцы вот-вот должны были войти в город, а в Госбанке СССР, располагавшемся на улице Институтской, оставалось большое количество денег. Было принято решение их сжечь. А опыта проведения таких операций у нас не имелось. Купюры в печке горели плохо. Чтобы они горели лучше, мы стали продувать печь с помощью вентилятора. И не сразу заметили, как слегка обгоревшие купюры с изображением В. И. Ленина стали вылетать из трубы. Ветер подхватывал их и разносил по ближайшим площадям и улицам столицы Украины, где из репродукторов постоянно шли бодрые сообщения, что Киев был, есть и будет советским. Прибегает наш старший начальник и кричит:

– Что вы делаете? Где Белый?!

А у нас была еще одна забота, успеть из сейфов, встроенных в стены госбанка, извлечь фельдъегерские сумки с золотыми изделиями, по шесть с половиной килограммов в каждой, погрузить их в автомобили и с сопровождением отправить в тыл. В пути один из таких автомобилей захватили местные националисты, но поживиться золотом им не удалось. Националистов задержали немцы в районе Полтавы и всех их ликвидировали.»

В оккупированном врагом Киеве Г. Г. Белый был оставлен для подпольной работы, участвовал в создании разведывательно-диверсионных резидентур, в том числе «Максима», «Михайлова», «Сухорукова» и обеспечивал связь их с центром. О дерзких действиях одного из них, Калашникова (Сухорукова), ходили легенды. Он добывал в Киеве продукты и имущество для партизан. «Однажды, – рассказывала украинская газета, – в 17 часов, когда касса уже закрывалась и все деньги упаковывались в пачки для отправки в городской банк, в помещение вошли двое – низенький, седенький человек и высокий голубоглазый атлет. Высокий встал у входа и вынул пистолет. Низенький прошел в кабинет управляющего и вышел оттуда вместе с ним.

– Откройте им, – чуть слышно прошепелявил управляющий.

Кассир открыл несгораемый шкаф. Старичок взял оттуда деньги, деловито пересчитал пачки, прошел к двери, обернулся и сказал: передайте своим хозяевам, что партизан Калашников реквизи-

ровал награбленные ими деньги, они будут использованы для борьбы с немецкими оккупантами... Поздравляю вас с победами Красной армии, которая гонит немцев от Ленинграда.»

По легенде, имея документы оккупационных властей на имя Бидниченко, Г. Г. Белый работал главным инженером спиртзавода, затем учителем физики в школе села Куцоволоковка Онуфриевского района Кировоградской области, где едва не попал в лапы полицаев, но куцоволоковские школьники своевременно предупредили его о готовившейся в селе облаве и он вновь отбыл в Киев. В 1944 году при освобождении Одессы Г. Г. Белый выходил с оккупированной территории вместе с партизанским отрядом. «Дорогу Николаев–Одесса немцы заминировали, – продолжал он рассказ, – поэтому мы решили обойти ее по воде. Трое суток шагали по лиману. Вода иногда доходила до шеи. И тогда рослые бойцы попарно, положив штык винтовки на плечо впереди идущему, а приклад – на плечо следом идущему, давали таким образом возможность партизанам малого роста, держась руками за винтовку товарищей, преодолевать глубокие места. В конце похода все грязные, с засохшей на одежде тиной и остатками водорослей партизаны совместно с войсками Красной армии атаковали противника со стороны моря. Для врага эта атака оказалась неожиданностью и оккупанты стали отступать в сторону вокзала. А удивленные одесситы, обратив внимание на наш внешний вид, указывали на нас пальцем и вопрошали друг у друга: «Що такое? Що такое? От кого это немцы-то бегут?»

После войны, вернувшись к мирной жизни, Г. Г. Белый работал в народном хозяйстве. В 1972 году он, оставив на Украине престижную работу в министерстве черной металлургии, приехал в Челябинск навстречу своей большой любви к Людмиле Ивановне, где прожил самые счастливые годы своей жизни. До выхода на пенсию работал главным специалистом в вычислительном центре ЧТЗ. Являлся членом совета старейшин челябинской общественной организации участников боевых действий «Родина». Подготовил к печати очерк «К истории российской службы внешней разведки», написав вместо эпиграфа такие слова: «Мы всегда должны следовать идеалам исторической правды... Но это, видимо, останется задачей следующих поколений».

3 сентября 2006 г. в день 92-летия Г. Г. Белого газета патриотов Южного Урала «Танкоград» опубликовала о нем очерк, а много-

численные друзья, товарищи и родственники пожелали ему здоровья и новых творческих успехов.

ЧЕРЕЗ КАМЕРУ СМЕРТНИКОВ

Уезд Подгорица в Черногории в 1941 году, после фашистской оккупации Югославии, превратился в район, где наиболее активно действовали партизанские отряды бойцов народного сопротивления, организованные подпольными ячейками Коммунистической партии Югославии. Четники — югославские националисты — и итальянские оккупационные власти в целях борьбы с партизанским движением и для запугивания местного населения, поддерживающего партизан, устроили здесь показательные расстрелы захваченных в плен югославских патриотов. Пленных привозили в Подгорицу из различных лагерей и тюрем группами под усиленной охраной и помещали в камеру смертников, оборудованную на первом этаже каменного дома Рогошича. Ровно в 17 часов их вывозили через заполненную народом площадь ко рву, зачитывали приговор и тут же его приводили в исполнение. Так, 10 апреля 1942 года были расстреляны 53 патриота. Еще 74 человека были подготовлены к расстрелу, среди них находился Милован Ильич Ковачевич, которого в уезде многие знали, так как родился он в здешних местах, в деревне Градац, 18 марта 1920 года, в Подгорице учился в гимназии, затем продолжал учебу в Белградском университете, являлся активистом спортивного клуба «Рабочий», играл центральным защитником местной футбольной команды. Но только близким его друзьям было известно, что М. И. Ковачевич в 1936 году вступил в подпольную организацию «Союз коммунистической молодежи», а в 1938 году стал кандидатом в Коммунистическую партию Югославии. Со своими товарищами он распространял литературу о первом в мире социалистическом государстве СССР, проводил агитацию за установление советской власти в Югославии. Но арестованный в апреле 1942 года четниками, он был приговорен к расстрелу.

«Нам — десяти арестантам, — вспоминал о том времени М. И. Ковачевич, — недели наручники, усадили в грузовик и под охраной четников, в сопровождении двух автомобилей с итальянскими солдатами, привезли в Подгорицу и поместили в камеру

смертников. Эта камера представляла из себя комнату площадью примерно пятнадцать квадратных метров, с цементным полом, с обитой жестью дверью и с маленьким окошечком наверху наружной стены. Стены этой камеры были исцарапаны надписями расстрелянных накануне узников. Среди их предсмертных обращений к родным, любимым и близким людям выделялась написанная крупными буквами просьба «Отомстите за нас!»

Мысль о побеге, конечно, присутствовала у всех, но со скованными руками осуществить побег было невозможно. Я не знаю, что испытывали перед казнью мои товарищи, что было у них на душе, но внешне они держались стойко. Находившийся в нашей группе старый коммунист, участник Первой мировой войны Андрей Раичкович, успокаивал нас, молодых: «Не переживайте, ребята, нас могут и не расстрелять». Перед моими глазами тогда, как в калейдоскопе, пронеслась вся жизнь. Я не сомневался в том, что мне — секретарю подпольной комсомольской организации — пощады не будет, поэтому думал только о том, какие лозунги мне произнести перед расстрелом. И решил, что последними словами моими будут: «Да здравствует Сталин! Да здравствует Тито!» И от мысли, что я смогу умереть достойно, как Боро Цветкович, я почувствовал вдруг необычайное внутреннее облегчение. Боро Цветкович — мой помощник по комсомолу, был отличным парнем, занимался гимнастикой и футболом. В свои неполные двадцать лет он решил в порядке мести за смерть своих товарищей уничтожить итальянского генерала — коменданта города Подгорица. Боро проник в строго охраняемую комендатуру, но почти у самого входа в кабинет коменданта его схватили и подвергли пыткам.

— Кто твои родители? — спросили его на допросе.

— Мой отец — товарищ Ленин, а моя мать — Советская Россия, — глотая кровь от побоев, гордо ответил Боро.

Перед казнью итальянский генерал предложил ему:

— Крикни: «Да здравствует дуче Муссолини!» и ты будешь свободен.

— Смерть фашизму! — услышал в ответ от него генерал.

Боро Цветкович погиб, показав оккупантам, на что способны настоящие комсомольцы. «Я иду к тебе, Боро!» — вдруг самопроизвольно, как во сне, вырвались у меня слова. В это время Андрей Раичкович поднял одного из своих товарищей, который ухватился за прутья оконной решетки, подтянулся на руках, посмотрел

через окно на волю и сообщил, что центральная площадь уже запружена народом. Это означало, что скоро за нами придут.

Но наступил вечер, прошла ночь и только утром дверь открылась, в камеру вошел начальник караула и объявил: «Расстрел отменен, вас будет судить национальный суд».

От такого поворота событий словно тяжелая ноша свалилась с каждого из нас, сильно захотелось пить, ведь нам более суток не давали ни воды, ни пищи. Оказывается, как мы узнали потом, среди четников произошел разлад. Многие из них выступили против расстрела своих земляков-партизан и потребовали вмешательства прокурора, что и спасло нам жизни».

Национальный суд приговорил М. И. Ковачевича к заключению в концлагерь сроком до окончания войны, из которого в сентябре 1943 года он бежал и продолжил борьбу в отряде бойцов сопротивления в горах Италии. Впоследствии этот отряд вошел в состав Народно-освободительной армии Югославии. После окончания войны Милован Ильич учился в СССР в Академии бронетанковых войск имени Сталина. В 1949 году принял советское гражданство, стал советским офицером и, окончив академию, продолжал службу в Советской Армии. Завершил военную службу полковник М. И. Ковачевич начальником цикла технической подготовки военной кафедры Челябинского политехнического института. В разные годы он был награжден югославскими орденами «За храбрость», «За заслуги перед народом» 3-й степени, Польским партизанским крестом, советским орденом Отечественной войны 2-й степени и 14 медалями. В настоящее время он является активным членом совета ветеранов ЮУрГУ и вместе со всеми ветеранами Великой Отечественной войны готовится к достойной встрече 70-летия Победы.

В ТЫЛУ ВРАГА

1. 20 лет спустя

В первые годы войны награждали фронтовиков орденами и медалями не часто. Не до этого было, особенно в партизанских отрядах, действовавших в тылу врага, поэтому многие герои фронта не были отмечены за свои подвиги. Чтобы устранить эту несправедливость, в канун 20-летия Победы, всех, оставшихся в живых и не

получивших своевременно награды, бойцов Особого партизанского соединения-13 собрали на месте былых боев, в глухом лесу Монастыршинского района Смоленщины, на юбилейную встречу. В полночь, когда между ветвями деревьев засветились участки звездного неба, прошедшие огонь и воду, ветераны развели на поляне большой костер и секретарь Смоленского обкома КПСС — бывший партизанский комбат Н. И. Москвин, приступил к вручению правительственных наград. Один за другим выходили к нему из тени деревьев «лесные братья», являвшиеся в свое время грозой оккупантов. Среди них выделялся выше среднего роста, спортивного телосложения, светловолосый, с открытым лицом ветеран, челябинец Петр Павлович Шарков, удостоенный ордена Красного Знамени.

Много лет спустя, вспоминая об этом событии, П. П. Шарков рассказал много подробностей из своей тревожной партизанской юности. Некоторые фрагменты из его рассказов приводятся ниже.

2. Тринадцать

Началом Смоленского особого партизанского соединения-13, насчитывавшего 4,5 тысячи бойцов, послужила группа из тринадцати красноармейцев и командиров, оказавшихся в окружении, и решивших, по примеру героев, шедшего до войны на экранах страны, кинофильма «Тринадцать», сражаться до конца.

На боевом счету этого соединения было множество уничтоженных вражеских объектов, пущенных под откос поездов и взорванных мостов. Эффективность действий партизан было трудно переоценить. Посудите сами, ведь уходили на задание три-шесть подрывников, а уничтожали целый эшелон. Десять килограммов тола было достаточно, чтобы железнодорожный состав превратить в груды металла. А когда объявили «рельсовую войну», случалось за одну ночь мы выводили из строя до 8-10 километров железных дорог. Враг вынужден был снимать воинские части с фронта и направлять их в тыл, где разворачивалась вторая война, народная.

Разгром Знамеричинского гарнизона

Вражеский гарнизон села Знамеричи, располагавшийся в бывшей школе, немцы обнесли двойным бревенчатым забором, между бревен произвели засыпку грунтом и щебнем, оборудовали огневые

точки и держали под обстрелом все дороги и подходы к селу. Мы воспользовались тем, что в этот день жители села возили из леса хворост, а дорога их проходила мимо гарнизона. Никто из оккупантов не догадался тогда, что сидевшие на двух подводах с хворостом женщины были партизанками, а за хворостом умело маскировались наши гранатометчики. Подъехав к гарнизону, женщины хлестнули лошадей. Лошади рванули вперед. Оказавшиеся вдруг перед оккупантами, гранатометчики закидали их гранатами и одновременно с трех сторон батальон пошел на штурм. Деревенскую тишину разорвали выстрелы и очереди, слившиеся в сплошной треск и грохот.

Когда мы короткими перебежками приблизились к гарнизонному забору, то в отдельных местах обнаружили под ногами что-то неустойчивое. Оказалось это были замаскированные люки боевых ячеек, сообщавшиеся с гарнизоном подземными ходами. Вскрыв их, мы увидели там немцев, вероятно, они готовились ударить по нам с тыла. Конечно же, разговор с ними был коротким.

Внезапность и блестяще подготовленная атака принесла партизанам убедительную победу. Немцы и полицаи были почти все перебиты, а оставшиеся в живых, разбежались. Имели и мы потери, в числе которых оказался один из гранатометчиков немец-антифашист Браунгольц, мы звали его Федя, он первым ворвался в гарнизон и был сражен пулеметной очередью. В этом же бою погиб наш командир взвода Щетинкин, пуля перебила ему сонную артерию, он упал, и никто этого не заметил. Только после возвращения на базу выяснилось, что комвзвода нет. Не удалось его обнаружить и после прочесывания местности. И тогда комбат приказал всем бойцам взяться за руки и еще раз пройти по местам боев. На этот раз Щетинкина нашли, он лежал в густой траве, большой, опаленный пороховым дымом, широко раскинув руки, он как будто старался обнять землю, за которую сражался и отдал жизнь.

Похоронили мы его в соседнем селе, дав на могиле клятву отомстить за его смерть, за смерть миллионов советских людей и за поруганную честь Родины.

4. Блокада

Однажды в Бовкинском лесу немцы нас прихватили, блокировали со всех сторон и долбили из чего хотели и как хотели. На подступах к базе развернулись ожесточенные бои. Я и сейчас пом-

ню лица подростков из соседнего батальона, которые, уходя в бой, просили не говорить маме, если их убьют. Порой казалось, что мы в безвыходном положении, так как боеприпасы, продовольствие и медикаменты были на исходе. Количество раненых быстро увеличивалось, оперировали их врачи из-за отсутствия лекарств без наркоза. Бывало напоят своего пациента самогоном до одурения, привяжут к столу и обыкновенной пилой отпиливали ему ногу чтобы избежать гангрены,. Ранение в живот считалось тогда гибельным.

После получения радиogramмы из центра с директивой выходить из окружения, форсировать Днепр и, углубившись в тыл, продолжить боевые действия. Несколько взводов партизан по заболоченному участку зашли немцам в тыл и вечером по сигналу красной ракеты, когда основные силы соединения поднялись в атаку, одновременно ударили по врагу с тыла и прорвали блокаду. А затем партизаны, разбившись по батальонно, на семь групп, выходили из окружения через болото. Бойцы нашего батальона по пояс в воде прошагали за ночь более четырех километров, неся на себе, кроме оружия, имущество и раненых. Причем каждого раненого обеспечили пистолетом, чтобы, в случае чего, он сам мог покончить с собой.

К утру, перед рассветом, командир приказал всем бойцам разместиться на многочисленных болотных кочках, замаскироваться, связав над головой растущие на болоте буйные травы, и ничем себя не проявлять. Весь день немцы искали партизан и не могли понять куда они делись. Над нашими головами несколько раз пролетали их самолеты-разведчики, а артиллерия вела огонь наобум, по предполагаемым местам сосредоточения партизан. Когда стемнело мы покинули болото и ушли за Днепр к новому месту базирования. Вскоре туда же прибыли остальные батальоны и Соединение-13 вновь приобрело прежнюю боеспособность.

3. Засада

Накануне очередной операции мне, как политруку разведроты, выделили десять бойцов и поручили провести разведку в районе возможного перехода батальона через железнодорожную линию. Прибыв к намеченному месту, мы оставили коней в укрытии и в пешем порядке решили осмотреть прилегавшую к дороге местность. Не обнаружив ничего подозрительного, вернулись обратно. Немцы, вероятно, нас «проспали» или же специально

устроили здесь ловушку. Когда мы продолжили путь верхом и лошади застучали копытами по переезду, неожиданно раздались пулеметная и автоматные очереди. Мой конь, словно подкошенный, замертво упал на землю, придавив мне ногу. Совсем рядом щелкают пули, а я не могу выбраться из-под коня. Наконец, уперевшись в труп лошади, мне удается освободиться. Прижимаясь как можно ближе к земле, я отполз в сторону и «нырнул» под поваленные деревья, которые немцы спилили специально для улучшения обзора за железной дорогой. И надо же было такому случиться, я, только что освободившийся из-под убитого коня, на этот раз зацепился за сучья вещмешком и застрял под деревом, ни взад, ни вперед. Время идет, я выбиваюсь из сил и ничего не могу поделать. «Ну, думаю, все, сейчас мне будет конец и вдруг догадываюсь, что нужно отстегнуть лямки вещмешка и выползти из-под него. Что я и сделал. Оставил вещмешок немцам «на память», затаился на несколько минут и, выбрав подходящий момент, выскочил на насыпь, кубарем перекатился на другую сторону, а там меня уже ждали товарищи.

Это был самый неприятный момент в моей жизни. Ну, а самым радостным моментом для нас всех была встреча с передовыми частями Красной Армии. В июле 1944 года Особое партизанское Соединение-13 в полном составе вошло в освобожденный Смоленск, приведя с собой сотни голов крупнорогатого скота и различную технику, все это было передано в народное хозяйство.

В Смоленске состоялся военный парад. Я участвовал в нем. А через некоторое время, посетив кинотеатр, увидел себя в кадрах кинохроники среди марширующих партизан. Молодой тогда был, поэтому восторгов и радостей от этого события хватило надолго.

х х х

После войны Петр Павлович Шарков работал на производстве, директорствовал в Копейском горном техникуме, избирался Первым секретарем горкома партии, долгое время возглавлял отдел пропаганды Челябинского обкома КПСС. Это было время, когда Челябинское телевидение имело только два канала, но каждый раз, возвращаясь домой с работы, мы сталкивались с проблемой какой из них включать, так как на обоих каналах одновременно транслировались передачи одна другой интересней. Каждая семья выписывала несколько газет и журналов, а у киосков Союзпечати выстраи-

вались очереди за свежими газетами. Средства массовой информации в Челябинске пользовались непререкаемым авторитетом. «Ведь об этом же в газете писали», — многозначительно говорили друг другу люди, что означало неопровержимую истину и давало соответствующую оценку работе отдела пропаганды.

Как-то во время беседы с П. П. Шарковым зашла речь о некоторых молодых людях, вдруг ставших верующими и демонстративно надевших на шею крестики. Интересно было узнать мнение по этому поводу многоопытного ветерана. «Я думаю, что это просто дань моде, — ответил он и пояснил, — ведь вера или неверие человека в сверхъестественные силы зависят от широты и глубины полученных им теоретических знаний и умения логически мыслить, то есть распоряжаться этими знаниями, ну и, конечно, от состояния его психики. Давно замечено, чем больше просвящения, знаний, чем выше уровень культуры, тем меньше остается места для религии и наоборот. У нас же в стране всеобщее среднее образование было обязательным, а это говорит о многом».

Таким был Петр Павлович — ровесник Октября. О нем и сейчас добрым словом вспоминают многие челябинцы, с кем приходилось ему жить и работать.

МЫ ИЗ ПОРТ-АРТУРА

Был до войны в Челябинске район, прилегающий к железнодорожному вокзалу, называвшийся Порт-Артуром, Ребята жили там отчаянные, себя в обиду не давали. Один из них, Виктор Томас, после окончания 8-го класса, посчитав, что энергетика всему основа, в 1940 году поступил учиться в техникум на ЧГРЭСе. Но через год началась война. Как-то во время занятий пришли в техникум представители 541-го завода, изготавливавшего патроны к автомату ППШ, и попросили ребят занять в цехах места рабочих, ушедших на фронт. Конечно же, Виктор и здесь был в числе первых. Он быстро освоил работу на станке. А в свободное время ходил с ребятами на площадь к элеваторному рынку, где под руководством взрослых инструкторов отрабатывал приемы штыкового боя. «Однажды услышал я, что стали из Челябинска отправлять воинские эшелоны на запад, — вспоминал пять десятилетий спустя Виктор Степанович Томас, — и решили мы с ребятами

бежать на фронт. Но вначале обратились в Кировский райвоенкомат и получили ответ: «Нет, вы еще слишком молоды». Тогда я в своих метриках переправил цифру «шесть» на цифру «пять» и с тех пор до настоящего времени считаю, что родился в 1925 году. — Виктор Степанович смеется, подкручивает свои длинные пшеничного цвета усы и продолжает.

— Мы втроем: я, Славка и Генка — все портартурцы, в глубокой тайне готовились к побегу. И когда все намеченное было сделано, пришли на железнодорожную станцию, где стоял воинский эшелон, в двух последних вагонах его ехали какие-то люди в штатском. Это призывники, догадались мы и присоединились к ним.

Разгрузили нас где-то в районе Орши. Построили, сделали перекличку. Старшина долго рассматривал списки, а потом рашивает:

— Вы откуда?

— Из Челябинска.

— А откуда из Челябинска?

— Мы из Порт-Артура.

— Из какого это еще Порт-Артура? Почему вас нет в списках?

— Не знаем, — сделали удивленный вид мы, — наверное, пропустили, так что допишите нас сами.

Старшина достал химический карандаш, смочил его кончиком языка и дополнил список.

Меня, как немного знакомого с радиотехникой, зачислили радистом в экипаж танка БТ-5. Интересно, что в молодости я редко видел сны, а вот на фронте, где спали урывками, мне накануне первого боя, в июле 1942 года, вдруг, как наяву, приснился родной дом по улице Смоленской, 13, наш сад с ранетками, огород с распутившимися подсолнухами и мой отец Степан Иванович, прильнувший к репродуктору, внимательно слушающий сводки информбюро. Утром, получив задание поддержать огнем наступающие мотострелковые роты, мы двигались перелеском. Впереди через смотровую щель виднелась лощина, высотки и голубое небо над нею. Где-то здесь должны были быть немцы. И когда наш танк выскочил на открытую поляну, вдруг последовал сильный удар, яркая вспышка осветила кабину. Снаряд попал в левый бак с горючим, и загоревшийся танк, сделав полукруг, очевидно, была перебита еще и гусеница, остановился. Командир сидел на своем месте,

но его голова безжизненно салилась на грудь. Нужно было срочно покинуть машину. Механик и заряжающий воспользовались нижним люком. А я открыл верхний люк и стал выталкивать через него командира. Когда мы вместе с ним вывалились на землю, раздался еще один взрыв, вероятно, кто-то бросил гранату. Командир, не приходя в сознание, погиб. У меня же левая рука беспомощно повисла, сильно текла кровь, перед глазами появились круги. Сквозь шум в ушах слышу, механик кричит мне из-под танка: «Таци его сюда!». Потом появился санитар с сумкой, повозка с красным крестом. А далее санбат и госпиталь в Свердловске.

После выздоровления я восемь месяцев учился в пехотном военном училище. Затем в звании младшего лейтенанта, в мае 1943 года, вновь прибыл на фронт и возглавил взвод конной разведки. Всем нам выдали шашки, автоматы ППШ, а мне, как офицеру, еще и пистолет ТТ, до сих пор помню его номер ПО-144. Нашей основной задачей являлось выявление огневых точек и мест сосредоточения противника. Но время уже было другое, и современное оружие не позволяло успешно использовать кавалерию на фронте. Сделав несколько вылазок на врага, мы потеряли половину конского состава. Начальник разведки полка капитан Суховатенко, взвесив все за и против, приказал сдать лошадей и производить разведку в пешем порядке. То есть второй мой приход на фронт, как и первый, не увенчался триумфом. А вот взятие первого языка получилось у нас изумительно гладко. Перед выходом в разведку, мы, как всегда, провели наблюдение за передним краем, сформировали группы: захвата, поддержки и обеспечения. Составили план с указанием точки, где предполагалось брать «языка», и маршруты движения. Суховатенко этот план утвердил. Но в деле получилось все иначе. Едва мы преодолели нейтральную полосу, как услышали где-то поблизости звуки: дзинь, дзинь. Поползли в их направлении. И вдруг, в траве, мне под руку попадает телефонный кабель. Я потянул за него, звуки стихли. Опустил, опять — дзинь, дзинь. Вдвоем с Иваном проползли еще немного и увидели немца-связиста, который стоит за кустами на коленях, и, опустив голову в каске почти до самой земли, накручивает кабель на барабан. А рукоятка задевает за корпус катушки и дзинькает. Иван заполз немцу с тыла и должен был первым «глушить языка». Но немец, думая, что кабель зацепился за куст, поднял голову и увидел меня. Я прыгнул на него, ударил по каске рукояткой пистолета. Вдвоем с

Иваном мы его быстро скрутили, вставили кляп и без единого выстрела доставили по назначению. Потом Суховатенко нам рассказал, что немцы готовились к наступлению, поэтому штабной ефрейтор свертывал связь и нам попался.

Другой забавный случай при взятии «языка» произошел на границе Литвы и Восточной Пруссии. Мы тогда переправились через неширокую, но глубокую речку Шишупу, выползли почти до самых вражеских траншей. И обратили внимание на поднимающийся белый дымок, хорошо вырисовывавшийся на фоне серого неба. Поползли в его сторону. Видим — блиндаж. Вход в него закрыт брезентом. Кругом — никого. Тишина.

— Давай бросим во внутрь гранату, — предложил Иван.

— Нет. язык нам живой нужен, — возразил я.

И мы с автоматами на боевом взводе, с криком «хенде хох!» (руки вверх) — врываемся в блиндаж, А там сидят женщина и мужик, местные жители — литовцы. «Скот пасли, началась стрельба, поэтому здесь остались», — пояснили они и дали довольно ценные сведения о дислокации частей противника.

Вот из таких, порой, трагических, а, порой, смешных эпизодов складывалась на фронте жизнь разведчиков. Важным, незабываемым моментом для каждого из нас было представление к награде. Я за годы войны удостоен 4 орденов и 3 медалей, а свой первый орден получил так: мы сидели в землянке, готовили план очередной разведывательной операции. Неожиданно заглядывает к нам ординарец из штаба и командует: «Младшой, на выход!». Я вышел. Гляжу ящик из-под патронов, накрытый красным материалом, а на нем лежит орден Красного Звезды, предназначенный мне, и медаль «За боевые заслуги», предназначенная Ивану. Капитан Суховатенко вручил награды, поздравил, пожелал успехов. Мы пригласили его в землянку, налили по сто граммов. Суховатенко сообщил нам, что завтра переходим в наступление и поставил задачу разведчикам двигаться за пехотой и подбирать документы убитых гитлеровцев. Этому наступлению предшествовала серьезная артподготовка. Убитых было много. При сборе документов произошел такой случай. Труп офицера лежал на боку, а из его кармана вывалились часы на цепочке. «Часы!» - обрадовался один из разведчиков, схватил их и... Вспышка взрыва. Труп-то оказался заминированным. Немцы частенько оставляли после себя такие сюрпризы. Однажды

в Восточной Пруссии проходили мы мимо небольшого, очень красивого, чудом уцелевшего особняка.

— Давайте посмотрим, что там внутри, - предложили разведчики

— Стой! – скомандовал я, вспомнив случай с часами в кармане трупа, и, чувствуя здесь что-то неладное.

Привязали веревку к скобе входной двери, отошли за угол соседнего строения, дернули веревку... ба-бах! И половина особняка развалилась.

Во время боев в Восточной Пруссии 184-ю стрелковую дивизию, как участвовавшую в прорыве, отвели за речку Шушупа во второй эшелон на Отдых. Командир дивизии генерал-майор Городовиков решил устроить митинг и парад войск, на котором, стоя на башне танка, выступил с речью примерно такого содержания: «Родная земля очищена от вражеских полчищ. Теперь нам предстоит бить и добивать врага на его собственной территории... Да здравствует Красная Армия! Да здравствует товарищ Сталин!» Я стоял у танка со знаменем части в руках. Играл духовой оркестр, чеканя шаг, проходили по площади полки. И вдруг немецкий снаряд падает в реку, второй – на нашем берегу, и вот уже все селение подверглось артобстрелу. Полки мгновенно приняли боевые порядки. Артиллеристы развернули свои орудия. Комдив опустил в танк. Я побежал со знаменем части в укрытие. Но поблизости рванул снаряд. Падая, с перебитой ногой, я заметил, как знамя части на лету подхватил кто-то из штабных офицеров. А мне второй раз пришлось отправляться в госпиталь».

После выздоровления В. С. Томас возвратился на фронт, на этот раз, в 215 стрелковую дивизию. В должности командира разведроты участвовал во втором Восточно-Прусском прорыве. В рукопашной схватке ударом штыка гитлеровец выбил ему зубы. А после третьего, по счету, ранения он вновь оказался в госпитале, где встретил День Победы. После войны продолжал службу в армии. В 1971 году в звании подполковника ушел в запас. Приехал в Челябинск. И три десятка лет работал в экономическом техникуме, вначале — преподавателем, затем заведующим дневного отделения.

Есть в биографии Виктора Степановича этап, о котором он вспоминает неохотно. Это участие его в подразделении особого риска при испытании ядерного оружия. В 1954 году на территории

Тоцких лагерей, на высоте 800 метров была взорвана атомная бомба мощностью, примерно, 25 килотонн. Вздрыгнула и покачнулась земля. В населенном пункте Сорочинске, находящемся в ста километрах от эпицентра, повывлетали в домах стекла. Подразделение же особого риска в очаге поражения проводило обычное тактическое учение с проверкой живучести техники, сооружений и людей. «После окончания учений, — вспоминал В. С. Томас, — всех солдат и офицеров два раза помыли, обмундирование, обувь и белье сожгли, но эти и другие мероприятия не уберегли здоровье многим из нас».

Дорогою ценою оплачивали войны и труженики СССР создание ядерного щита Родины. Но благодаря этому «щиту» народы планеты получили возможность вот уже более полувека жить в относительно спокойном мире. Поэтому, несмотря на потуги недругов, не померкнет в истории величие подвига военного поколения советских людей, подвига наших отцов и дедов.

ПАРТИЗАНЫ

Бронислав Николаевич Павлюц в строительстве человек известный. С 1956 года он работал в Челябинском металлургстрое, занимая должность заместителя директора Деревообделочного комбината, а с 1979 года стал директором Челябинского сельского домостроительного завода, как раз в то время, когда на заводе вводились в эксплуатацию новые цеха, оснащенные современным оборудованием по производству железобетонных изделий для сельскихстроек, и директору приходилось находиться на работе полный световой день. Но текущие производственные неурядицы и житейские трудности, преодолеваемые директором, никак не шли в сравнение с трудностями, что встречались ему — молодому младшему лейтенанту — в годы войны, которую он начал в июне 1941 года сапером.

«У саперов на фронте всегда много работы, — вспоминал Бронислав Николаевич. — В один погожий день мы, разминировав минные поля и очистив путь отступающей пехоте, сразу же принялись за минирование берега в местах предполагаемого форсирования реки немцами. И уже завершали выполнение задания, как прилетели немецкие самолеты и стали сбрасывать на нас бомбы малого калибра, от которых установленные мины начали рваться. А

убойная сила каждой из мин более 50 метров, попробуй здесь спрячься. Осколки попали мне в голову, руку и ногу. Кровь застила глаза. Товарищи перевязали раны, как смогли, хотели отправить в госпиталь, а он уже эвакуировался, тогда определили мне место в батальоне выздоравливающих бойцов.

Обстановка складывалась неопределенно, ситуация менялась ежечасно. Немец наступал. Однажды во второй половине дня командир полка собрал к себе всех офицеров и объявил:

— Мы в окружении. Получен приказ разбиться на мелкие группы и прорываться к своим.

— А как быть с ранеными, — спросили его.

— Спасаться кто как может, — последовал ответ.

В это время за селом усилилась ружейная и автоматная стрельба. Закинув за плечи автомат, комполка направился к штабной повозке. Больше мы его не видели.

В окружении

В нашей группе насчитывалось человек двести. Вначале всех нас не покидала надежда на скорый выход из окружения. Шли в основном лесными тропами, соблюдая воинскую субординацию: впереди разведка, основные силы несколько позади. После каждого доклада разведчиков обсуждали план действий. Мелкие вражеские гарнизоны уничтожали, большие — обходили стороной. Шли ускоренным маршем по направлению Москвы. Но линия фронта откатывалась все дальше на восток и уверенности выхода к своим у нас поубавилось. В одном селении нам стало известно, что недалеко в лесу располагается красноармейский полк. Двинулись в указанном направлении. Лесная дорожка очень скоро превратилась в едва заметную тропку, а затем совсем затерялась в траве. В непроходимой глухомани наших разведчиков остановил строгий окрик: «Стой! Кто такие?»

Это был дозор 537-го полка; присоединившись к нему, мы обрели нового командира и уверенность в себе. Но полк этот оказался партизанским, сформированным Могилевским подпольным обкомом партии и входившим в состав 9-й партизанской бригады. Теперь о выходе из окружения вопрос отпал. Мы уходили в глубь леса на зимние квартиры.

Партизанская база

Партизанский городок располагался в густом сосновом лесу и представлял собой множество землянок, в которых жили парти-

заны. В землянках имелось все необходимое для проживания: постельные принадлежности, посуда, печка. В городке имелась баня и пищеблок. В полку каждый занимался своим делом: разведка — разведкой, хозчасть — обеспечением продуктами, одеждой и т. д. Жизнь партизан строилась по армейскому расписанию. По очереди ходили в суточный наряд. Периодически делали вылазки на гарнизоны врага, пополняли за его счет свои запасы. Бывало, в вагонах пущенного под откос товарного поезда мы находили все — боеприпасы, продукты, одежду.

Саперы удачно вписались в структуру партизанского полка. А когда развернулась «Рельсовая война», значимость саперов стала еще больше.

Таких партизанских баз, как наша, в белорусских лесах было много; например, в городе Кличев Советская власть сохранялась всю войну, там же находился центральный партизанский аэродром, через него поддерживалась связь с Большой землей, вывозились раненые, получали медикаменты, оборудование и даже свежие газеты.

Засада

Отряд карателей двигался со стороны Бобруйска по извилистой дороге, с обеих сторон которой простирался лес. Немцы ехали в автобусах, грузовиках и мотоциклах. Сытые, довольные, самоуверенные, они, вероятно, размышляли в пути о предстоящем прочесывании леса и представляли, как будут ловить разбегающихся во все стороны партизан. Не догадывались они, что партизаны уже здесь, рядом: притаились вдоль дороги за каждым деревом, за каждым кустом, внимательно наблюдают за колонной и ждут сигнала — звука разорвавшейся гранаты.

Карателей насчитывалось много, их колонна растянулась почти на полкилометра, но нас — партизан — было больше. Накануне в подпольном обкоме стали известны цели и маршрут движения немцев, и нашей бригаде поручалось встретить незваных гостей.

Я лежал в траве за небольшим валуном, прижимаясь к земле. Волнение ожидания предстоящего боя пересказать невозможно. Сердце словно молотком колотило, как бы кто-нибудь из бойцов преждевременно чем-либо себя не обнаружил. В просвете между ветками проплыли белые кресты на борту двух бронетранспортеров, двигавшихся во главе колонны. Прошло довольно много вре-

мени, когда в их направлении наконец-то лопнула противотанковая граната. И сразу же гранаты полетели из кустов на вражескую колонну, на всем ее протяжении, шквал огня обрушился на противника. Все завертелось и закувыркалось на дороге. Один автобус резко свернул вправо, ткнулся в бровку, из-под радиатора вылетел сноп пламени. Крытый грузовик, потеряв управление, наехал на дерево. Огонь же не ослабевал, превращая в решето все живое и неживое...

А потом, почти одновременно, стрельба прекратилась, наступила тишина, лишь в ушах шумело от прошедших треска и грохота. Партизаны высыпали на дорогу, подбирали оружие, боеприпасы и все то, что могло пригодиться в партизанском хозяйстве. Я заглянул в один из автобусов. Трупы немецких солдат валялись в проходе, на сидениях, свешивались со спинок сидений. Мое внимание привлекли какие-то ящики. Открыли один из них, а там — консервы, свиная тушенка.

Выполнив задание обкома, загрузившись до пределов, мы возвращались на свою базу.

Смерть за смерть

Рано утром мы вышли на окраину небольшой деревеньки. Признаков присутствия поблизости немцев не было. Из-за деревьев поднималось солнце. День обещал быть ясным, казалось, что ничто не испортит нам здесь настроение. Но, пройдя по улице, мы увидели повешенного на березе человека. Как выяснилось, это был советский парашютист. Возможно, он шел к нам на связь. Спрятав парашют в лесу, он обратился к местному жителю, а житель этот оказался немецким прихвостнем. Рассказывали, что при задержании парашютист отстреливался и отправил на тот свет двух полицейских. Для устрашения населения его повесили.

В оккупированной зоне немцы в селах организовывали органы местного самоуправления, назначая на должность старост и полицейских людей, чем-то обиженных на Советскую власть и обозленных на нее. К сожалению, такие люди в селах не всегда, но находились. Мы знали об этом. Поэтому дальнейшие действия бойцов нашего отряда были единодушными. Парашютиста сняли и тело его предали земле. Кто-то приволок полицейского и на этой же березе его повесили, «Кровь за кровь, смерть за смерть», - говорили все.

Однажды в распоряжение нашей базы прибежали гонцы из деревни Козуличи и умоляли: «Помогите, немцы свирепствуют, загнали жителей села в мельницу, облили керосином и подожгли».

Мы выступили без промедления. Окружили село и ни одного оккупанта живым не выпустили, две танкетки отбили, а вот жителей села спасти не удалось. Мельница- то была деревянная, сгорела быстро. Позднее родственники селян на месте сгоревшей мельницы деревянные крестики установили с именами погибших. Так пепелище стало кладбищем.

Ночной бой

В деревне на букву «Т», вот хоть убей забыл ее название, немцы устроили для своих солдат что-то вроде дома отдыха. Природа там действительно красивая, но земля-то наша, советская. Глубокой ночью мы окружили этот «санаторий» и открыли огонь, да такой, что они из окон в подштанниках выскакивали. За этот бой мне вручили медаль «За боевые заслуги». В этом же бою произошел курьезный случай. Собрав трофеи, партизаны обнаружили раненого, одетого в какую-то спецовку, думали свой, положили на носилки и тащили до своей базы, а там обнаружили, что это немец. Хотели тут же пустить его в расход, но вмешался командир. Очередным самолетом пленного отправили в тыл, он оказался штабным работником и дал командованию необходимые сведения.

Рельсовая война

В кинофильмах о войне обычно партизан изображают минирующими железную дорогу, протягивающими в укрытие длинный провод, который соединяют с источником тока, в нужный момент нажимают на рычаг «адской машины» — и вагоны летят под откос. В действительности в начальный период партизанской борьбы это так и происходило. Но впоследствии, когда центр объявил о начале «Рельсовой войны», диверсии на железной дороге стали носить плановый характер и настолько участились, что немецкому командованию пришлось снимать войска с фронта и направлять их на борьбу с партизанами и на охрану железной дороги.

После каждой диверсии немцы окружали большой участок, прилегающий к месту крушения, и прочесывали лес. В связи с этим и мы изменили свою тактику. Действовали четко, как по расписанию. После того как из центра приходило донесение о том, что

по такому-то участку пути проследует такой-то поезд, в указанное время выделялась группа подрывников, которая минировала полотно железной дороги в нескольких местах, используя мины нажимного действия, и уходила как можно быстрее и дальше в лес. И только по доносившимся со стороны дороги звукам взрывов определялось, сработали мины или нет. А на другой день разведка докладывала о результатах работы подрывников. Как летчики-истребители вели счет в годы войны сбитым вражеским самолетам, так мы — группы минеров — вели счет выведенным из строя эшелонам. На счету моей группы их было восемь.

Предательство

23 июня 1944 года началась одна из крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны, Белорусская, в начале которой мы — партизаны — действовали самостоятельно, а через некоторое время, под Бобруйском, соединились с Красной Армией. После переформирования наша бригада пополнила 37-ю механизированную дивизию, так вновь оказался я в армии в должности политрука.

По долгу службы мне приходилось бывать в знакомых по партизанским делам районах и встречаться со своими «лесными братьями». Однажды в деревне Тейковичи мне пожаловались, что какой-то старший лейтенант из особого отдела летной части без суда и следствия расстрелял несколько бывших активных партизан якобы за связь с немцами и сейчас вызвал на допрос очередную жертву — партизана из соседней деревни, которого я хорошо знал и не мог не прийти к нему на помощь.

— А кто ты такой? — спросил меня старший лейтенант.

— Политрук роты. Хорошо знаю этого человека по партизанскому отряду и готов за него поручиться, — ответил я.

— Сейчас поедem в районную комендатуру, там разберемcя, что ты за политрук.

— Ну что ж, поедem...

Он вызвал машину, и мы поехали, но не в комендатуру, а в лес. В лесу он нас высадил и дал команду солдату: «Расстреляй их!» Солдат же весь предыдущий разговор наш слышал и поэтому заколебался. Мы этим воспользовались — и бежать. Солдат стрелял нам вслед, но по верхушкам деревьев. Я добежал до воинской части, а оттуда мне помогли добраться до районной комендатуры.

На другой день старшего лейтенанта задержали на железнодорожном вокзале в Бобруйске уже в погонах капитана. Оказалось, что он бывший белогвардеец, внедренный немецкой разведкой в спецорганы Красной Армии. Что стало с ним в дальнейшем — мне не известно...»

В начале апреля 1945 года в боях, развернувшихся за город Кенигсберг, Б. Н. Павлюц был ранен и отправлен в госпиталь. После войны некоторое время служил в армии, а потом вернулся к мирному труду. В день пятидесятилетия Победы он с гордостью участвовал в торжественном марше по площади Революции в Челябинске, в колонне ветеранов-участников Великой Отечественной войны, представляя лесную гвардию — партизан.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ

Детство и юность Михаила Гавриленко проходили в поселке Шершни под Челябинском. Здесь он учился в начальной школе, познавал жизнь, занимался спортом, имел завидные результаты в соревнованиях по лыжам, легкой атлетике и поднятию двухпудровой гири. Его уважали в поселке еще и потому, что он хорошо играл на гармошке. Жизнь его шла размеренно, словно по плану, но однажды в нее ворвалось что-то новое, необычное. В Шершни приехала девушка с ласковыми добрыми глазами по имени Полина. Он познакомился с ней возле дома Крестьяниновых на лавочке, где собиралась по вечерам молодежь поселка. И вскоре поймал себя на мысли, что постоянно думает о Полине.

Полина Ситникова была отважной девушкой. В жаркие летние дни, когда все шершневецкие мальчишки и девчонки устремлялись к речке, она поднималась на перила, самую высокую отметку моста, и прыгала вниз головой в прохладные воды Миасса. Михаила, преодолевавшего такую высоту только «солдатиком», это сильно задевало. Он не мог долго мириться с превосходством над собой девчонки. И однажды, собрав всю свою волю в кулак, прыгнул с перил «ласточкой».

Односельчане все чаще стали видеть Полину и Михаила вместе. С годами их ребяческая дружба переросла в любовь. Они подолгу гуляли в сосновом бору, обнявшись сидели на берегу Миасса, искали на ночном небе Большую Медведицу, Полярную звезду,

мечтали. Родители знали об их отношениях. Никто не сомневался в том, что как только Полина и Михаил достигнут совершеннолетия, быть свадьбе.

Но шла война. Вести с фронта приходили тревожные. Полина продолжала работать секретарем сельсовета, а Михаил еще в 1938 году начал трудиться в Шершневской авиаремонтной мастерской. Ему нравилось ремонтировать самолеты, война же побудила его освоить профессию токаря на Челябинском заводе «Штамп», выпускавшем ручные гранаты. Здесь он вступил в комсомол. Как-то весной 1942 года вызывает его секретарь РК ВЛКСМ и говорит:

— Ты заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт писал?

— Писал, — ответил Михаил.

— А поехать в Москву учиться в партизанскую диверсионную школу желаешь?

— Желаю.

— Ну тогда быстро собирайся. В 5 часов вечера отходит поезд.

«Я помчался домой, — вспоминал М. С. Гавриленко, — забежал проститься к Полине, а ее дома не оказалось, в этот день она ездила в Долгую деревню. Отец запряг лошадь и отвез меня на вокзал. Перед отходом поезда он крепко обнял и поцеловал на прощание. Я ехал в Москву, так далеко от дома, первый раз в жизни.

Курсанты партизанской спецшколы НКВД были тщательно подобраны из числа коммунистов и комсомольцев, физически крепких, друживших со спортом. Учебные занятия в школе проходили и днем, и ночью. Мы изучали немецкое и отечественное оружие, устанавливали мины, разминировали минные поля, прыгали с парашютом, учились снимать часовых, занимались самбо. Ночью ходили в лес минировать железную дорогу, для этой цели в лесу был построен небольшой учебный пролет железнодорожного полотна.

В конце курсов сдавали экзамены. Я получил удостоверение диверсанта-подрывника. После учебы будущих партизан разделили на группы по 10—15 человек в каждой. При забрасывании их в тыл врага по воздуху отмечались случаи, когда они попадали к немцам в «ловушки». Поэтому в сентябре 1942 года нас переправили для перехода линии фронта в расположение 33-й армии.

Нашу группу возглавлял подполковник НКВД Михаил Колосов. Линию фронта переходили в гражданской одежде. Накануне полу-

чили оружие: автоматы, на группу две винтовки с глушителями и облегченными патронами, позволяющими бесшумно поражать цель на расстоянии до 200 метров. Каждому партизану полагался вещмешок, в котором кроме неприкосновенного запаса продуктов (1 кг сала и 2 шоколадки) имелись 2 кг тола, детонаторы, 3 гранаты-лимонки, патроны и 3—5 термических шариков. Эти шарики обладали удивительными свойствами: при бросании их они прилипали к поверхности, например цистерны или какой-нибудь другой конструкции и, сгорая, мгновенно выделяли огромное количество тепла, прожигая металл насквозь.

При подходе к переднему краю немцы обстреляли нас, и одна пуля попала в вещмешок партизанки Галя. Шарики в ее мешке воспламенились и, прежде чем мы пришли в себя, Галя сгорела в ярком пламени.

Через день повторили переход. В сопровождении саперов дошли до села, расположенного на нейтральной полосе. В селе не было ни души, жители его покинули. Лишь привязался к нам неизвестно как уцелевший котенок. Подполковник Колосов взял и положил его себе за пазуху, не предполагая, какую большую услугу он нам вскоре окажет. Осторожно, ползком продвигаясь к первой линии окопов, сквозь ветки деревьев мы увидели человек 20 немецких солдат, стоявших во весь рост и громко смеющихся. Оказывается, что-то заподозрив, они устроили здесь засаду. Но увидев котенка, который выполз из-за пазухи Колосова и направился прямо к ним, мяукая, посчитали его виновником тревоги, что и вызвало у них бурное оживление. А мы, едва не попав к немцам в лапы, без шума отошли назад.

Только с третьей попытки удалось нам преодолеть линию фронта. На этот раз двигались ночью, максимально соблюдая осторожность. И все же в последней траншее напоролась на немца. Он, наверное, дремал, крикнул спросонок: «Хэнде хох!» (Руки вверх!). Но Федя Приходько сверху, а я снизу этого оккупанта без труда ликвидировали.

Утром за линией фронта, решив передохнуть, наша группа устроила привал в небольшой рощице. И вдруг видим: к роще двигаются немецкие танки. «К озеру!» — скомандовал Колосов. Спрятавшись в камышах, по пояс в холодной воде, мы простояли часа три, держа перед собой на руках вещевые мешки. Чтобы не окоче-

нет, принимали понемногу спирт. Нам повезло, не заметив ничего подозрительного, танки один за другим ушли.

Продвигаясь дальше, мы взорвали мост через реку, в селе уничтожили полицаев, а вечером в лесу попали в окружение партизан, которые привели нас в свое расположение, разоружили и держали в землянках до тех пор, пока не пришло подтверждение из Москвы».

С этого момента М. С. Гавриленко стал бойцом второй бригады партизанского отряда «Народные мстители» на Смоленщине. Вскоре за дерзкие вылазки на врага и большую физическую силу за ним закрепилась кличка Медведь, одно упоминание о нем вносило переполох в среду оккупантов. Подполковник же Колосов, имевший задание возглавить политическую работу в отряде, стал комиссаром этой бригады. Выполняя приказ Сталина: «Партизанам действовать малыми группами», они взрывали мосты, рушили коммуникации врага. Не раз приходили на помощь местным жителям. Сами попадали в блокаду. Немцы бомбили их с воздуха, обстреливали артиллерией, но они были неуловимы. Причем в критический момент партизаны из спецшколы никогда в плен не сдавались, были случаи, когда они, чтобы не попасть в руки врага, взрывали себя гранатами.

«Одной из ответственных операций в отряде считался выход на «железку», то есть на железную дорогу, — продолжал М. С. Гавриленко. — Однажды нам сообщили, что движется эшелон с танками, мы вышли его встречать. Шесть человек остались для прикрытия, а мы с другом Петей установили две мины, одну натяжную, другую нажимную. Когда показался поезд, я говорю Пете:

— Спрячься за дерево.

— Да что ты, Медведь, излишне страхуешься, — отмахнулся он.

А в поезде оказался вагон со взрывчаткой. Взрыв произошел такой силы, что я, находившийся за сосной, получил тяжелую контузию, а Петя погиб. Тем шестерым из группы прикрытия — им ничего. Они уложили нас на плащ-палатки и принесли в лагерь. Это сейчас говорят с иронией: «Партизаны...». А у партизан правило было: хоть останки товарища, руку или ногу, но принеси. За этот эшелон, пущенный под откос, позднее мне вручили орден Славы III степени.

С началом освобождения Смоленской области партизанские бригады передали в армию и расформировали. Партизаны, ставшие красноармейцами, пополнили различные воинские части. Колосов подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал: «Ну, тезка, служи! А я дальше пошел». Больше я его никогда не встречал, после войны пытался разыскать, но безуспешно, наверное, погиб».

В Гжатске (теперь г. Гагарин) стоит величественный памятник воинам Отдельного лыжного разведывательного батальона 29-й гвардейской дивизии. К этому памятнику бывший старший сержант М. С. Гавриленко имеет самое непосредственное отношение, так как является одним из оставшихся в живых бойцов этого подразделения, формировавшегося, в основном, из партизан 2-й бригады.

«На рассвете в масхалатах со стороны леса, — вспоминал Михаил Семенович, — наш батальон прорвал оборону противника и углубился до полковых его позиций. Мы захватили знамя вражеского полка, перестреляли много немцев, но кто-то из высоких начальников «прошляпил», опоздал ввести в прорыв войска. Немцы очухались, закрыли проход, и мы оказались в окружении. Дрались до последнего. Гранатами сожгли четыре танка. Использовали две немецкие пушки. Вызывали огонь на себя. В последние минуты боя руководство взял на себя секретарь комсомольской организации батальона. Из окружения вышли только 17 человек из 200.

Через две недели, пополнив батальон до прежнего состава, мы вновь на лыжах с двумя станковыми пулеметами, установленными тоже на лыжи, повторно прорвали оборону немцев. Но на этот раз войска в прорыв ввели своевременно. Развивая наступление, мы вышли за околицу села. Неожиданно темноту ночи прорезала пулеметная очередь. Трое наших упали. Ориентируясь только по вспышкам выстрелов противника, открыли ответный огонь. Пулемет замолчал. «Один вражеский пулеметчик убит, другой ранен», — доложили мне. Как только рассвело, послали трех человек вперед узнать много ли там немцев. Немцы встретили нас плотным огнем. Завязался бой. Вдруг слышу крик: «Мишка! Сзади немцы!» Смотрю назад — немцы прут, человек сорок. Я к пулемету, а он не работает, смазка замерзла. Что делать? Комбат тяжело ранен. Командую: «Снять полушубки, гранаты к бою!». А немцы кидают уже свои скалки (гранаты с длинной деревянной рукояткой). Мы же знаем, что они взрываются не сразу, хватаем их и бросаем обратно. И в это время на пригорке, в тылу у немцев, появились люди в

масхалатах. Ну, думаю, теперь нам крышка, это гитлеровцы. А потом смотрим — это же наши лыжники. Немцев окружили. Они сгрудились в одном месте, бросали оружие и поднимали вверх руки. Их офицер, стоявший в середине толпы, приставил парабеллум к своему виску и выстрелил. Бой завершился.

Нас посадили на танки, и мы помчались в сторону Вязьмы, после освобождения которой ко мне подошел батальонный писарь, достал из сумки бумаги и говорит: «Комбат приказал подготовить документы для награждения тебя медалью «За отвагу».

В последующих боях М. С. Гавриленко получил пулевое ранение. Лечился. А после госпиталя в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса участвовал в Курской битве, награжден орденом Красной Звезды, освобождал Киев, Житомир, Ровно, Луцк, Дубно, дошел до Броды на Львовщине и вновь — ранение...

«У нас тогда в эскадронах по 7—10 человек осталось, — вспоминал он, — нам дали задание: как только пойдет самоходка, следовать за ней. Едва мы начали движение, как из-за леса выкатились немецкие танки, штук восемь, а за ними — автоматчики. Нашу самоходку моментально подожгли. Я спрыгнул в окоп и занял огневую позицию. Но пулеметная очередь, вероятно, из танка разбила в моих руках автомат, три пули пробили руку, четвертая задела голову. Я упал на дно окопа. И в это время раздался залп катюш. Поднявшись в окопе, я увидел, что все немецкие танки горят. Вот, думаю, здорово сработали. Вероятно, это место нашими пристреляно было раньше.

С трудом выбравшись на дорогу, я остановил машину. Меня приняли в кузов, на ходу сделали перевязку. Оказалось, что эта машина принадлежала оперативной группе гвардейских минометов.

— Ну, как мы стреляли? — спрашивают ракетчики.

— Если бы не вы, нас не было бы в живых, — признался я.

Они довезли меня почти до медсанбата и свернули к себе в штаб. И только после войны я узнал, что в их штабе, совсем рядом, возможно служила в это время моя Полинка».

Во время учебы в партизанской спецшколе Михаил часто писал трогательные письма на родину. Но осенью 1942 года переписка вдруг прервалась. Напрасно каждый день Полина с нетерпением ждала почту, но почтальон проходил мимо их дома. Через полгода, в феврале 1943 года, Полина Григорьевна Ситникова обратилась в Кировский райвоенкомат, располагавшийся на улице Васенко, с

просьбой послать ее добровольцем на фронт, тайно надеясь встретить там своего Михаила. Рассчитывала стать пулеметчицей или снайпером, а ее зачислили в штаб оперативной группы гвардейских минометов Волховского фронта, а затем в штаб 239-й Краснознаменной стрелковой дивизии на должность писаря-машинистки.

«Мебелью в моей штабной землянке, — вспоминала Полина Григорьевна, — служили пустые ящики из-под снарядов. Освещением — гильза, наполненная газолем, с куском шинели вместо фитиля. У входа в землянку стояла большая сосна. Однажды в сосну угодила снаряд. Взрывной волной всю мою «мебель», печку-буржуйку и меня вместе с ними выбросило из землянки, я чуть в овраг не улетела. Получила контузию, пришла в себя, слышу меня ищут: «Полинка, Полинка, ты жива?»».

На войне, как на войне, смерть подстерегала на каждом шагу. Однажды иду по тропе и вдруг вокруг меня защелкали пули. Гляжу «мессер» низко летит на бреющем полете и ведет огонь. Я, как нас учили действовать в аналогичных случаях, бросилась под прикрытие деревьев.

При одном из перебазирования нашего штабу указали место расположения в единственно сохранившемся большом сарае. Осматривая новое помещение, я вдруг отчетливо услышала тиканье часов и говорю: «Здесь где-то будильник есть». Командир тут же все понял и дал команду быстро покинуть помещение. Через несколько минут сарай взлетел на воздух. Оказывается, там был не будильник, а мина с часовым механизмом».

Немало тягот и лишений в годы войны пришлось вынести сержанту административной службы П. Г. Ситниковой. Она участвовала в деблокировании Ленинграда, в освобождении Новгорода, Прибалтики, Белоруссии. Медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другими отмечен ее ратный путь.

А М. С. Гавриленко после медицинского освидетельствования было решено отправить в тыл на лечение. Он ждал команду для отъезда. Неожиданно его окликнули: «Миша! Медведь!». Он оглянулся и увидел лежавшего на носилках своего первого партизанского начштаба бригады. «Ты жив? А мне говорили, что ты погиб», — продолжал он. В голове Михаила вихрем завертелись воспоминания о партизанском времени. Он подошел к своему командиру и хотел обнять его, но мешали бинты.

— Поцарапало меня здорово. Отправляют в Челябинский госпиталь, — с сожалением сказал начштаба.

— Как? В Челябинск? Так ведь это мой родной город, — чуть не крикнул от удивления Михаил и не сдержал слез, заплакал.

— А тебя куда отправляют?

— Не знаю.

— Мы это сейчас организуем. Поедем вместе.

Начштаба подозвал дежурного врача. Просьба его, офицера НКВД, имела воздействие. Так, М. С. Гавриленко оказался в Челябинске и не где-нибудь, а в школе № 30, в которой учился до войны и в которой теперь располагался военный госпиталь. Сильно волнуясь, позвонил в Шершневский сельсовет. Думал трубку снимет Полина, а ему ответили: «Ситникова на фронте».

Война разлучила их и разбросала в разные стороны. У каждого жизнь сложилась по-своему. Но в 1992 году, ровно через 50 лет, по воле случая они встретились. И решили не расставаться больше никогда.

РАССКАЗ ПАРТИЗАНА

Накануне выпало много снега и весь партизанский лагерь словно покрылся белой пеленой.

— Овсянников, к командиру! — поступила команда.

— Я прошел в штабную землянку, — рассказывал Юрий Павлович Овсянников, — там, кроме командира, находились комиссар, комвзвода разведки и мой старший брат, возглавлявший в партизанском отряде комсомольскую организацию.

— Вот что, Юра, — спокойным, твердым голосом сказал командир, — тебе предстоит выполнить серьезное поручение, сходить в Бобруйск и передать по назначению посылку.

Под посылкой подразумевались шесть магнитных и термических мин, они были завернуты в тряпочку и спрятаны в салазках с двойным дном.

— Тебе понятна задача? — спросил командир в конце разговора.

— Да, понятна.

— А ты знаешь, что сделают с тобой немцы, если они тебя задержат?

— Да, знаю, расстреляют.

– Нет, повесят. Партизан немцы не расстреливают.

Меня отвезли в деревню, хорошо помыли и пропарили в бане, чтобы вытравить весь партизанский дух. Как ни странно, но бывали случаи, когда немцы определяли партизан по запаху. Затем положили в салазки мешочки с крупой, горохом и другими продуктами, проводили меня до Варшавского шоссе. И я под видом менялы пошел в город. Тогда из деревни в город и наоборот часто ходили местные жители с целью обмена продуктов и Товаров первой необходимости. У моста через реку Березина путь мне преградили жандармы.

– Аусвайс! (Документ!) – потребовали они.

Я им показал свои бумаги.

– Куда идешь?

– Домой, – ответил я.

– Где твой дом?

– Я назвал адрес, – с трудом сдерживая дрожь в голосе, при мысли, что сейчас меня разоблачат, сердце мое в груди сильно заколотилось, а ноги стали как чугунные.

Жандарм сверил адрес с документами. Документы оказались сделанными безупречно. Порылся в моих салазках и разрешил следовать дальше. Перейдя мост, я почувствовал некоторое облегчение. Но при входе в город, когда я спустился с горки, из крайней хаты вышел немец с карабином в руках, наверное из охраны.

– Хальт! (Стой!) – скомандовал он.

И опять посыпались вопросы: «Откуда?», «Куда?».

Немец стал осматривать содержимое моих салазок. Ну, думаю, мне конец, сейчас он меня разоблачит. Жалобным голосом говорю ему:

– Гер зольдат, у меня мать болеет тифом.

Услышав слово «тиф», немец как отскочит в сторону, да как мне прикладом даст в поддых. Хорошо, что у него карабин был, а не винтовка со штыком. От удара у меня перехватило дыхание. Согнувшись, я потащил свои салазки дальше, ожидая, что вот-вот фашист выстрелит в меня сзади. Но немец, по-видимому, решил, что пусть этот тифозник уйдет подальше от их дома.

Передав посылку по назначению, обратно в отряд я возвратился другой дорогой. В землянке меня встретили все те же командиры. Я подробно доложил им о выполненном задании.

– А что это белое у тебя в волосах? – спросил меня брат.

Оказалось, что я уходил на задание с волосами нормального цвета, а возвратился с поседевшими. Было мне тогда неполных 17 лет. Наверное поэтому, к 30 годам я совсем поседел.

Командир поблагодарил меня за успешно выполненное задание, по-отечески обнял и подарил трофейный румынский браунинг с четырьмя патронами.»

После войны Ю. П. Овсянников работал в Челябинске на электрометаллургическом комбинате. На пенсию ушел с должности старшего обжигальщика. Активно участвовал в работе совета ветеранов партизан, а в 1993 году, как самого молодого из участников партизанского движения (он родился 28 февраля 1927 года), его избрали председателем этого совета. В 2007 году совет объединял более двух десятков в прошлом лихих народных мстителей, среди них: В. И. Беляй, М. С. Гавриленко, Л. В. Моргунова, М. И. Ковачевич, А. С. Новосад, П. П. Шарков и другие. Несмотря на возраст, долго сохраняли активную жизненную позицию, часто встречались с молодежью, рассказывали своим собеседникам правду о войне, разоблачая злостных фальсификаторов истории. Юрий Павлович, посещая подшефную школу, всегда надевал свой парадный мундир с орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны и множество медалей, среди которых медали «За боевые заслуги» и «Партизану Великой Отечественной войны» он считал самыми памятными и дорогими. Беседуя со школьниками, он напутствовал их на гражданские подвиги и до конца жизни призывал стать достойными патриотами своей великой России.

ЮНЫЙ ПАРТИЗАН

Иван Иванович Конченков трудовую деятельность начал в 15 лет молотобойцем кузнецы села Звенячка в Курской области. Ему нравилось как кузнецы, играя завидными мускулами, расправлялись с нагретым до бела железом, и старался во всем подражать им. Вскоре началась война, и кузнецу закрыли. Фронт быстро продвигался на восток и звеняченцы оказались в окружении. Жизнь в селе сразу словно остановилась, замерла. Жители закрылись в своих домах, находились в тревожном ожидании прихода оккупантов.

«И вдруг я вижу,- вспоминал И.И.Конченков, идут по улице два командира Красной Армии с кубиками в петлицах, при ору-

жию. Ох, как я тогда обрадовался. Чувства гордости, надежды и уверенности в победу охватили меня.

– Немцы в село заходили? – спросили меня командиры.

– Нет, - ответил я.

– А как пройти к реке Свапе?

Я хорошо знал местность и лесными тропами проводил их до реки. Ночью они переправились на другой берег, а там уже были наши. На прощание командиры сказали: «Мы уходим, но не на долго. Ты веришь, что мы вернемся?» Я ответил утвердительно. Точно также я вывел к реке еще две группы красноармейцев.

Дом наш стоял на окраине села. И уже во время оккупации села немцами ночью к нам в окно постучали. Это была еще одна группа красноармейцев, вышедшая из окружения. Мы их накормили, переодели в гражданскую одежду, а затем я проводил их к линии фронта. Оружие же они оставили, я закопал его в овраге. Оккупанты в селе вывесили приказ: «Всем коммунистам и комсомольцам в трехдневный срок встать на учет в комендатуре, за невыполнение расстрел. За хранение оружия – расстрел. За оказание помощи красноармейцам – расстрел». То есть я по трем статьям попадал под расстрел. Но меня в селе никто не выдал. Вскоре я вступил в партизанский отряд имени Чкалова. Комиссар посмотрел мой комсомольский билет, похвалил за его сохранность и присвоил мне первое воинское звание «Юный партизан».

Вместе с партизанами И.И Конченков выходил на боевые задания. Зарекомендовал себя отличным стрелком, как из отечественного, так и из трофейного оружия. Партизаны нападали на мелкие подразделения оккупантов, громили комендатуры, пускали под откос поезда, освобождали советских граждан, угоняющих в германское рабство. Немцы бросали против партизан подразделения карателей, применяли артиллерию, танки, бомбили с воздуха. Но руководимые кадровыми командирами Красной Армии партизаны с малыми потерями уходили от врага, меняли дислокацию, растворялись в Хинельских лесах и вновь нападали на оккупантов. Жили партизаны в землянках. Иногда вечерами, глядя на кусочек усыпанного звездами неба, проглядывавшего между ветвей сосен, юный партизан думал, что где-то далеко, далеко на Урале есть краснознаменный шахтерский город Копейск, где живут его родственники и царит мирная трудовая жизнь, путь к которой лежит через Победу, а путь к Победе начинается здесь, в партизанских лесах.

В феврале 1943 года партизанский отряд соединился с частями Красной Армии. И.И.Конченкова зачислили воспитанником, сыном 605-го стрелкового полка. 7 марта 1943 года в боях на северном фланге Курской дуги И.И.Конченков был ранен. Товарищи на санях отправили его в госпиталь. И вскоре потеряли с ним связь. А родители же Ивана получили извещение, что их сын «Пропал без вести». Но И.И.Конченков выжил, а к этому времени подошел срок его призыва на военную службу. 31 декабря 1944 года его направили служить на Дальний восток и зачислили пулеметчиком 58-го стрелкового полка. Вскоре он принял участие в войне против милитаристской Японии. После окончания войны продолжал службу в ВВС на Сахалине. В звании старшины уволился в запас и в 1953 году приехал в Копейск. Окончил Горный институт, Высшую партийную школу. Неоднократно избирался секретарем партбюро шахты №205, секретарем парткома шахт № 4-6.

Работал заведующим отделом ГК КПСС, заместителем начальника Копейского горотдела внутренних дел и др. С 1977 года он становится членом городского совета ветеранов партии, комсомола, войны и труда при Копейском ГК ВЛКСМ, где отвечал за работу с комсомольскими и пионерскими организациями. Долгое время возглавлял Копейский городской совет ветеранов. За большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи ЦК ВЛКСМ наградил его Почетной грамотой. В настоящее время бывший фронтовик, Почетный гражданин города Копейска, полковник милиции в отставке Иван Иванович Конченков по-прежнему активно участвует в работе Копейского городского совета ветеранов.

КЛИН КЛИНОМ ВЫБИВАЮТ

Село Михайловка мало чем отличалось от других сел Курской области. Электричество и радио в домах отсутствовали. Основными достопримечательностями села были три ветряные мельницы, клуб и школа-семилетка, вот в нее 1 сентября 1934 года пришел я в первый класс, — вспоминал Василий Иванович Калинин. — На перемене директор школы остановил меня и спросил:

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Шесть, — ответил я.

— Тебе учиться в школе еще рано иди домой и приходи на будущий год, — пояснил он.

Я был очень огорчен таким решением директора. Плакал, пока тетя мне не посоветовала:

— Да если ты так хочешь учиться, иди в школу, садись за парту и говори всем, что тебе семь лет. Я так и сделал.

— Сколько тебе лет? — вновь задали мне вопрос в школе.

— Семь, — бодро ответил я.

И меня записали в классный журнал, а потом избрали старостой класса. Окончив семилетку, я и два моих друга решили продолжить учебу в строительном техникуме города Рыльского. В назначенный день вышли на шлях, проходивший прямо за нашим селом, сняли ботинки, повесили их на плечи и босяком зашагали по пыльной дороге, по которой ходили много раз, преодолевая 17 километров до Рыльского за три с половиной часа. Настроение у всех было приподнятое. Но когда вошли в Рыльск, то первое, что увидели — старушку, она с кринкой молока в руках быстро семенила по тропинке и плакала. А чуть далее, у ворот дома, шумная компания кого-то провожала в дорогу. Всюду чувствовалась какая-то суэта, и все чаще доносилось до нас слово «война». Возле репродуктора, установленного на столбе, толпились люди. Мы подошли к ним и узнали, что немцы напали на СССР, а на западной границе уже идет война. Не задерживаясь в Рыльске, пришлось нам спешно возвращаться домой.

Через несколько дней мой отец и все мужчины нашего села ушли на фронт. В колхозе остались одни женщины, мы, подростки, помогали им управляться с лошадьми. В начале сентября по шляху потянулись колонны отступающих красноармейцев. За ними проследовали немецкие танки и грузовики с пехотой оккупантов. На шляхе оставались стоять брошенными трактор, орудия и другая техника. Сельские ребята бегали рассматривать зенитные пушки, а из одной из них даже пытались выстрелить. Однажды я увидел идущих по шляху красноармейцев, оказавшихся в окружении, небритых, без ремней, многие из них были раненые.

— Немцы в селе есть? — спросили они.

— Нет, — ответил я.

— Принеси нам что-нибудь поесть.

Два дня я носил им продукты. Красноармейцев же, расположившихся в пустом помещении, где зимовали пчелы, становилось все больше. Я предложил проводить их в лес, где заблаговременно для будущих партизан были построены землянки и заложены в них запасы продовольствия. Красноармейцы согласились. Выбрав удобный момент мы перебежали через шлях. Красноармейцы растаяли в ночной мгле, а густой лес принял их в свои объятия. Дня через три, когда я пришел к месту нового их расположения, то увидел красноармейцев уже стоящими в строю, а командир зачитывал им какой-то приказ. Мне же было сказано: «Сынок, ты дорогу сюда больше никому не показывай. К нам приходи только в крайнем случае. Твоя задача знать все, что делается в селе. Мы сами будем приходить к тебе за информацией». Они приходили по ночам. Я передавал им сведения без проблем, так как немцы уже тогда боялись партизан, поэтому размещались в центре села, подальше от окраины, а наш дом, крытый соломой, стоял на отшибе.

Пригодных лошадей оккупанты у крестьян отобрали, оставили лишь бракованных, из расчета одна лошадь на три двора, и постепенно ходили по дворам и выбивали скот. Перестреляли всех коров, свиней, овец, коз, добрались до кур и гусей. Я пытался сохранить гуся и гусыню, старался объяснить немцу, что эти гуси — он и она — нужны для продолжения потомства. Но немец так исхлестал меня по спине, что я долго болел и впредь никогда не вступал в разговор с оккупантами. В 1943 году, потерпев сокрушительное поражение под Курском, немцы, отступая, остановились в Михайловке, местных жителей повыгоняли в сарай, а сами поселились в их домах, заняли и наш дом. Как-то утром я встал пораньше, чтобы до наступления жары вспахать поле. Идя за плугом, вдруг увидел, как к нашей пашне подошел немецкий офицер. Чтобы избежать встречи с ним, я остановил лошадь в конце борозды и сделал вид, что привожу в порядок плуг. Слышу немец кричит: «Юнге, ком! ком! (Мальчик, иди сюда!)» Я подошел. Офицер достал из кармана бутерброд с маслом, с сыром и подает его мне. Я попятился назад, думая, что это какой-то подвох.

— Нет, нет, — говорю, — спасибо.

Немец заметил мою робость и успокаивающим тоном говорит:

— Сталин гут, Сталин гут.

Это удивило меня еще больше. Я знал немного немецких слов, наверное, столько же русских слов знал немец. Мы с ним погово-

рили. Оказалось, что этот офицер учился в каком-то университете. Но Гитлер, не дав студентам доучиться, мобилизовал их в армию и отправил на фронт. За что мой собеседник был сильно обижен на фюрера. А еще он восхищался тем, как сражаются на фронте советские солдаты. Говорил, что им, немцам, война с Россией не нужна, что до войны они хорошо жили и никогда в поле, не поев, на работу не выходили. Немец ушел. А я, съев бутерброд, подумал, что правильно в народе говорят: «Клин клином выбивают». Дали немцам «прикурить» под Курском, и у них появились совсем другие разговоры.

Вскоре оккупанты бежали. В Михайловку возвратилась советская власть. Партизаны получили приказ уходить, опережая немцев, на запад и громить их тылы, меня с собой они не взяли. Я пошел в военкомат с просьбой призвать в армию. А рост-то у меня был всего метр пятьдесят шесть сантиметров.

— Ты с какого года рождения? — спросили меня.

— С 1927-го.

— Рановато, подожди до следующего года, — ответили в военкомате.

Я же решил не сдаваться. Моя школьная учительница помогла раздобыть в сельсовете справку, что родился я 4 июня не 1927-го, а 1926 года. После чего меня призвали в армию на законных основаниях. Но направили не на фронт, вдогонку немцам, а на Дальний Восток, в Гродеково, где началась и закончилась моя военная служба».

На Дальнем Востоке В. И. Калинин окончил полковую школу и артиллерийское училище. Стал офицером. Участвовал в войне с Японией. Получил благодарность от генералиссимуса И. В. Сталина. Награжден медалью «За боевые заслуги», позднее — орденом Отечественной войны 2-й степени. В 1950 году демобилизовался, приехал в Челябинск, работал вначале секретарем комсомольской организации Челябтэцстроя, треста № 92, затем инструктором, заведующим орготделом ГК ВЛКСМ. Здесь, на Южном Урале, осуществилась его давняя мечта стать строителем. Он окончил Челябинский монтажный техникум, затем — Московский инженерно-строительный институт. Строил ТЭЦ-2, жилые дома в Челябинске и многочисленные объекты в сельской местности.

А затем до конца дней своих активно участвовал в работе Совета ветеранов.

ПЕСНЯ РАЗВЕДЧИКОВ

Слова А.Суркова Муз. В. Пушкина
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Вспомни разведчик былые дела –
честь Сталинграда и доблесть Орла,
ночи ненастные,
рейды опасные,
ярость, что сердце солдата жгла.

Пусть притаились враги впереди,
верное сердце не дрогнет в груди.
Пулями меченный,
Ветром иссеченный,
смело, разведчик, вперед иди!

Там, где разведчик не слышно пройдет,
наша дивизия выйдет в поход.
В грозах – пожарищах
наши товарищи
шагом железным пойдут вперед.

Верное сердце не дрогнет в груди,
слава тому, кто идет впереди.
Страх не знающий,
смерть побеждающий,
смелый разведчик на бой иди!

Содержание

Это нашей истории строки	3
Кавалер орденов Славы	5
Ветеран невидимого фронта	7
Через камеру смертников	10
В тылу врага	12
Мы из Порт-Артура	17
Партизаны	22
Через годы, через расстояния	28
Рассказ партизана	35
Юный партизан	37
Клин клином выбивают	39
Песня разведчиков	43
Содержание	44

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)
Серия 8. Разведчики и партизаны.